

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Лавров. «...Преимущественно о поэзии»: К юбилею Н. А. Богомолова</i>	5
---	---

Часть I. У истоков русского модернизма

<i>Майкл Вахтель. «Starres ich» Ивана Коневского: источник и смысл заглавия.</i>	16
--	----

<i>Елена Глуховская. Сенсация и клевета: газетные нападки на Эллиса летом 1909 года</i>	24
---	----

<i>Ольга Довгий. Несколько слов о статье В. Я. Брюсова «Кантемир»</i>	36
---	----

<i>Всеволод Зельченко. Как бывало: к тексту стихотворения А. А. Фета «Еще вчера, на солнце млея...»</i>	50
---	----

<i>Ксения Кумпан. Субстрат хрестоматийных гимназических текстов в Juvenilia Д. С. Мережковского</i>	55
---	----

<i>Ольга Кушцова. Жюль Патуйе и Россия</i>	78
--	----

<i>Елена Куранда. Юр. Юркун: оставшиеся детали</i>	95
--	----

<i>Дина Магомедова. Кармен до «Кармен»: заметки комментатора (Сюжет «Кармен» в контексте автобиографического мифа Александра Блока: история формирования).</i>	110
--	-----

<i>Геннадий Обатнин. Документальные крохотки к теме «Вяч. Иванов и М. Кузмин»</i>	125
---	-----

<i>Екатерина Орлова. Б. М. Эйхенбаум в 1912 году</i>	138
--	-----

<i>Маргарита Павлова. З. Н. Гиппиус. Два письма к Т. Н. Гиппиус (1906).</i>	161
---	-----

<i>Александр Парнис, Стефано Гардзонио. Литературный четырехугольник: Хлебников — Бунин — Джойс — Беккет (новые материалы).</i>	179
---	-----

<i>Галина Петрова. «Зовы древности» Константина Бальмонта: к проблеме источниковедческого комментария</i>	212
---	-----

<i>Анна Сергеева-Клятис, Рахель Лихт. Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака за 1917 год</i>	234
--	-----

<i>Александр Соболев. Трое неизвестных из сто девятого</i>	264
<i>Роман Тименчик. Записные книжки Ахматовой: Валерий Брюсов</i>	281
<i>Александра Чабан. Антология Иоганнеса фон Гюнтера «Новый русский Парнас» в контексте литературных дискуссий начала 1910-х годов</i>	304
<i>Андрей Шишкин. Вяч. Иванов. Два стихотворения, посвященные Евгении Давыдовне Эрн-Векиловой (1916)</i>	341
<i>Магнус Юнгрен. Две заметки о прозе Андрея Белого</i>	345

Часть II. Модернизм и модернисты после 1917 года

<i>Ирина Белобровцева. И еще раз о традиционалисте Михаиле Булгакове</i>	352
<i>Елена Глухова. Проекты первых лет Советской власти: о несостоявшемся сотрудничестве Андрея Белого с «Социалистической Академией»</i>	359
<i>Павел Дмитриев. Отзвуки блоковского театра в творчестве М. Кузмина («Прогулки Гуля» М. Кузмина — «Незнакомка» А. Блока)</i>	369
<i>Татьяна Игошева. Роман М. А. Зенкевича «Мужицкий сфинкс»: о семантике заглавия</i>	381
<i>Корнелия Ичин. Александр Введенский: от зауми к алогизму</i>	403
<i>Светлана Казакова. Василий Каменский — «Зажигатель планет»</i>	425
<i>Елена Обатнина. Дмитрий Солунский и Алексей человек Божий о литературных «чадах» (новонайденные дополнения к истории эпистолярных контактов Д. В. Философова и А. М. Ремизова)</i>	460
<i>Михаил Одесский, Моника Спивак. П. П. Перцов в поисках собеседника: эпистолярный диалог с Андреем Белым в конце 1920-х годов</i>	481
<i>Владимир Орлов, Андрей Устинов. Неудавшиеся «Опытъ»: Юрий Одарченко в переписке с редакцией</i>	509
<i>Федор Поляков. Накануне Парижа: материалы к истории берлинского «клуба поэтов»</i>	524

<i>Андрей Россомахин. Неизвестные заметки С. М. Эйзенштейна о Хлебникове</i>	545
<i>Елена Тахо-Годи. «...Поделюсь с Вами некоторыми мыслями относительно намечаемого вами сборника»: неосуществленный издательский проект И. Н. Розанова и Л. П. Семенова</i>	555
<i>Павел Успенский. Общепный Мандельштам: этюд о языке и семантике стихотворения «Я скажу тебе с последней...»</i>	569
<i>Андрей Устинов. Петроград как Петербург</i>	589
<i>Владимир Хазан. Лев Шестов в Земле Обетованной</i>	607
<i>Михаил Эдельштейн. Мария Горячковская пишет Василию Розанову</i>	652
<i>Наталья Яковлева. «От имени к прототипу» (Картотека прототипов М. С. Альтмана)</i>	668
 <i>Часть III. Наследие русского модернизма: Post scriptum</i>	
<i>Стефано Гардзонио. Мелочи из запаса моей книжной полки: библиографические заметки</i>	686
<i>Павел Глушаков, Инна Ростовцева. Неопубликованное письмо В. М. Василенко</i>	697
<i>Андрей Крылов. Художник и власть: история одного преследования, 1972 год</i>	707
<i>Анатолий Кулагин. Визбор и поэзия Николая Тихонова</i>	732
<i>Олег Лекманов. «Он даже улыбнулся от наслаждения»: еще об одной загадке рассказа Ю. Казакова «Вон бежит собака!»</i>	755
<i>Владимир Новиков. Н. А. Богомоллов как исследователь авторской и самодеятельной песни</i>	758
<i>Елена Скарлыгина. Андрей Синявский и Владимир Максимов: к истории полемики</i>	765
<i>Елизавета Шарыгина. История одной мистификации</i>	781
<i>Дмитрий Быков. Неюбилейное: послесловие</i>	787
<i>Н. А. Богомоллов. Библиография (1972–2019)</i>	793

Александр Лавров (Санкт-Петербург)

«...ПРЕИМУЩЕСТВЕННО О ПОЭЗИИ»

К ЮБИЛЕЮ Н. А. БОГОМОЛОВА

Ниже предлагаемый текст писался в надежде на то, что 16 декабря 2020 года Николай Алексеевич Богомолов прочтет его в день своего 70-летия. Эти приуроченные к дате скромные величальные строки были призваны указать лишь в самом общем, поверхностном приближении на то очень многое, что он уже успел совершить в нашей историко-литературной науке, а также осветить открывающиеся перед ним в будущем перспективы. В последних не было оснований сомневаться: ученый подошел к своему юбилею на подъеме творческих сил; казалось, впереди его ждут не только годы, но десятилетия плодотворной, ярко результативной творческой деятельности. Казалось, что и меня поджидают новые возможности давней, многодесятилетней крепкой дружбы с этим замечательным человеком, дружбы, не омраченной ни конфликтами, ни взаимонепониманием: всегда мы понимали друг друга с полуслова, без каких-либо средостений внешних обстоятельств, всегда осознавали, что делаем общее дело. И вот — случившееся перевело все в иной регистр.

Я ничего не меняю в тексте, приуроченном к юбилею Н. А. Богомолова, до которого он не дожил несколько недель. Трагизм неизбежной кончины сохранится с нами, величие ушедшего Мастера только укрупнится.

«От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии», — гласит заглавие одного из сборников (2004) работ Н. А. Богомолова. Русская поэзия в самом широком временном диапазоне, обозначенном этим заглавием, является важнейшим и самым излюбленным предметом исследовательских интересов ученого, начиная с его дебютной заметки, появившейся в 1972 году и посвященной поэзии Ахматовой, и эта тематическая доминанта

освещает весь его творческий путь, продолжающийся уже почти пять десятилетий.

Упомянутая двухстраничная работа, напечатанная в Новосибирске в сборнике тезисов докладов, прочитанных на студенческой конференции, в свое время прошла мимо моего внимания, и только осуществленная Н. А. Богомоловым в 1981 году в «Вопросах литературы» публикация замечательного письма Бориса Пастернака к Юрию Юркуну открыла мне доселе неизвестное имя. Чувство досады на себя, ранее, еще в студенческие годы, скопировавшего в архиве опубликованное Богомоловым пространное письмо и так и не удосужившегося довести его до печати, совмещалось у меня с радостным осознанием: нашего полку — тогда еще совсем малочисленного — прибыло.

Со всей наглядностью творческая энергия Н. А. Богомолова смогла реализоваться, когда во второй половине 1980-х годов распахнулись идеологические и цензурные шлюзы и открылись страницы печати для тех поэтов, которые для него были наиболее притягательными, — поэтов предреволюционных десятилетий. В течение двух-трех лет (1989–1991) выходят в свет подготовленные им сборники стихов и прозы Н. Гумилева и З. Гиппиус в серии «Забывтая книга», первый, стихотворный том трехтомного издания Гумилева, том сочинений Георгия Иванова, «Кипарисовый ларец» И. Анненского, сборник литературно-критических статей и рецензий В. Брюсова (составленный совместно с Н. В. Котрелевым) и т. д.

Поражает не только количество многостраничных томов: сколько текстов, за десятилетия советской власти не переиздававшихся, пришлось впервые собирать, сверять строчку за строчкой, потом корпеть над корректурами, — но и качество их исполнения: высочайший профессионализм, адекватность и корректность оценок и аттестаций, подлинный историзм и объективность аналитических характеристик, особенно отрадных на фоне еще нависавшей в общественной атмосфере идеологизированной демагогии, четкость и функциональная определенность комментаторских пояснений (иногда вынужденно сжатых из-за предустановленных издательских

требований). Книги, подготовленные тогда Богомоловым в соответствии с критериями изданий, адресованных так называемому «массовому» читателю, контрастировали с той нахлынувшей лавиной «разрешенного», которая в плане профессионального исполнения вполне соответствовала мандельштамовскому определению: «потoki халтуры».

В те же годы определились основные исследовательские приоритеты, которым Н. А. Богомолов остается верен и в последующую пору. При этом преобладающее внимание к поэтическому творчеству избранных авторов, наглядно реализовавшееся при подготовке соответствующих томов для «Библиотеки поэта», дает импульс к многостороннему восприятию и истолкованию других аспектов, в которых проявляется та или иная индивидуальность.

Подготовка тома стихотворений М. Кузмина в упомянутой серии (1996) сопровождается изданием отдельного авторского сборника («Михаил Кузмин: статьи и материалы», 1995), включающего «маленькую монографию» (изобретенный Н. А. Богомоловым термин) о поэте, ряд статей, затрагивающих различные локальные темы, относящиеся к его биографии и творчеству, и публикации эпистолярного наследия. Стихотворения, оставшиеся за пределами тома «Новой библиотеки поэта», вместе с эпистолярией Кузмина образовали том «Стихотворения. Из переписки» (2006), а избранные прозаические произведения — сборник «Плавающие путешественники» (2000). Наконец, в соавторстве с С. В. Шумихиным Богомолов осуществил поистине титанический труд — двухтомное издание дневника Кузмина за 1905–1915 годы (2000, 2005), исключительно сложного для комментирования, а в соавторстве с Джоном Малмстадом опубликовал монографию «Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха» (1996), вышедшую также на английском языке и дважды переизданную в дополненной редакции на русском.

Аналогичный образчик творческой практики нашего автора — его работа по изданию и изучению В. Ходасевича: за подготовленным им томом стихотворений в Большой серии «Библиотеки поэта» (1989) последовали тома собрания сочинений в 4 томах, изданные при его участии, сборники

мемуарных очерков и критических статей Ходасевича, публикации его писем и целый ряд статей о поэте, объединенных в сборнике «Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче» (2011).

Вячеслав Иванов в обозреваемом послужном списке юбиляра должен быть упомянут особо. Н. А. Богомолов — инициатор и один из основных участников двухтомного издания переписки Иванова с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (2010), едва ли не самого объемного и уж во всяком случае едва ли не самого сложного в плане текстологической подготовки корпуса эпистолярных текстов, относящихся к истории русского символизма (говорю в данном случае с полной уверенностью, поскольку пытался работать с этими автографами задолго до их опубликования). Параллельно с подготовкой этого издания Богомолов тщательным образом обработал и всю семейную переписку Ивановых, давшую бесценный материал для детального воссоздания обстоятельств литературной жизни середины 1900-х годов, концентрировавшейся во многом вокруг личности Иванова; результат этих изысканий — книга Богомолова «Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. Документальные хроники» (2009).

Пока были упомянуты только литературные корифеи, оказавшиеся в исследовательской орбите Н. А. Богомолова. Однако основной предмет его аналитических опытов — не отдельные признанные гении, в своей самодостаточности высящиеся над плоской равниной культурной посредственности, а весь литературный процесс — во всем его многоголосии, со всеми, порой причудливыми, аффектами, внутренними столкновениями и даже неприглядными скандалами. Уделяя преимущественное внимание великим, Богомолов с той же тщательностью и ответственностью изучает относительно малые литературные объекты, при этом несоразмерность анализируемых величин никак не сказывается на исследовательском методе.

Рядом с Кузминым и Ходасевичем, изданными в «Библиотеке поэта», можно поставить им же подготовленный том, включающий практически полный корпус стихотворений Александра Тинякова (1998; 2002 — 2-е изд., дополненное

и исправленное), в том числе многочисленные тексты, извлеченные из архивов, — поэта, имевшего заслуженно одиозную репутацию, но тем не менее исключительно выразительного и своеобразного в своем эпатазирующем «апофеозе беспочвенности». Теперь, после того как усилиями Богомолова Тиняков вырисовывается в полный рост, ясно, что многоликая панорама русской поэзии начала XX века без этой колоритной фигуры страдала бы неполнотой.

Внимание исследователя к литераторам второго и третьего ряда сказывается на протяжении всего его творческого пути. Оно проявляется и в подготовке отдельных изданий их сочинений — от Константина Большакова до Моисея Бамдаса, — и в изыскании их неопубликованных или затерянных произведений (например, «Беломорские стихи Игоря Терентьева», 1996), и в новых подходах к интерпретации творчества писателей с закрепившейся в истории литературы однозначной оценкой.

Так, в статье «Сергей Ауслендер: стилизация или стиль?» (2009) он пересматривает многократно повторенные суждения об Ауслендере как мастере «стилизованного» письма и предлагает новый, убедительно обоснованный подход — видит в его опытах прежде всего практическую реализацию принципа «прекрасной ясности» Кузмина и следование тематико-стилистической традиции его же «светской» прозы. Н. А. Богомолов также проводит неожиданную аналогию между текстами Ауслендера и стилизованной палитрой прозы 1920-х годов, использованной некоторыми из «Серапионовых братьев», — аналогию, может быть, не очевидную, но стимулирующую к дальнейшим наблюдениям. Неожиданным может показаться и указание на символистский пласт в советском приключенческом романе Мариэтты Шагинян «Месс-Менд» («Авантюрный роман как зеркало русского символизма», 2002), но и в данном случае аргументация аналитика такова, что неожиданное предстает самоочевидным.

Выявление новых аспектов в известном и ранее осмысленном восполняется в творческой практике Н. А. Богомолова и обращением к новым темам, не замечавшимся историками литературы в советские годы. Прежде всего это,

конечно, интерес к оккультной, «тайноведческой» проблематике и ее отражениям у Брюсова, Гумилева и других авторов. Работы, затрагивающие эти сюжеты, объединены в книге «Русская литература начала XX века и оккультизм» (1999); она же включает «маленькую монографию» об А. Р. Минцловой — визионерке, сыгравшей исключительную роль в духовных исканиях М. Волошина, Вяч. Иванова, Андрея Белого, Э. К. Метнера и других выразителей символистского самосознания. Выстраивая свое повествование о Минцловой почти целиком на впервые вводимых в оборот архивных материалах, исследователь заполняет одно из множества белых пятен на российской культурной карте.

Установка автора и в этой книге, и во всех остальных предполагает максимально детализированное и углубленное постижение исследуемого объекта и в то же время «далековатую» по отношению к нему позицию (ср. заглавие его сборника «Сопряжение далековатых»). «Далековатое» — дистанцированное, эмоционально нейтральное, объективное вплоть до программного объективизма, исторически позиционированное и выверенное отношение к именам, явлениям и фактам, оказывающимся в сфере исследовательского внимания. Н. А. Богомолу не близка магнетическая привязанность, наблюдающаяся у известной части литературоведов и иных занимающихся литературой сочинителей, к «любимым», интимно близким поэтам или прозаикам, которым они готовы выражать на бумаге безраздельное восхищение и едва ли не маниакальную преданность. (Николай Алексеевич не раз признавался мне, что с особенным увлечением изучает Кузмина и не устает им заниматься, но в этой особенности, конечно, не дань прихотям индивидуального вкуса или любовная завороченность объектом анализа, а прежде всего способность данного автора стимулировать и порождать у исследователя всё новые и новые темы и интерпретации.)

Общие методологические подходы, которыми руководствуется наш юбиляр, не содержат в себе ничего специфического — это всего лишь критерии, которым обязаны соответствовать любые дискурсивные построения, претендующие

на доказательность и объективный смысл. Н. А. Богомолов их четко и внятно сформулировал в «Заметках о песнях Булата Окуджавы»:

- 1) внимание к хронологии творчества;
- 2) представление о круге источников, доступных писателю в то или иное время;
- 3) отчетливое понимание социокультурной ситуации, в которой писалось и публиковалось (если эти два момента не совпадают) произведение;
- 4) осознание того, что твои собственные (исследователя) интересы и пристрастия вовсе не обязательно совпадают с интересами и пристрастиями исследуемого автора;
- 5) отказ от следования тобой самим или предшественниками придуманным схемам, если материал им противоречит; и, наконец,
- 6) непредвзятое чтение текста¹.

Совокупность этих критериев Н. А. Богомолов определяет как «филологическую гигиену», и излишне говорить, что сам он неукоснительно следует им во всех своих писаниях.

Однако предложенный свод незатейливых обязательных условий — «простое как мычание» — зачастую не является имплицитным руководством к действию для многих авторов, пишущих на историко-литературные темы. Нелицеприятной оценке подобных трудов Н. А. Богомолов уделил немало своего времени и творческих усилий: огромную часть его трудового «послужного списка» составляют обзоры книжных новинок и рецензии, свидетельствующие о том, что в поле его зрения попадают едва ли не все регистрируемые Книжной палатой издания, относящиеся к сфере его профессиональных интересов. В исполнении этой неблагодарной миссии нельзя не видеть проявление подлинного альтруизма: меня, во всяком случае, его своевременно публикуемые отзывы избавляют от необходимости самостоятельно осваивать изрядную долю поступающей на книжный рынок печатной продукции, и знакомство с содержанием новых номеров

¹ Богомолов Н. А. Бардовская песня глазами литературоведа. М., 2019. С. 132.

«Нового литературного обозрения» я неизменно начинаю с книжных обзрений Богомолова (в последние годы выделенных в особую рубрику «В книжном углу»). Особенности Богомолова-рецензента — лаконизм, четкая аргументация, безупречность доводов, верность принципиальным установкам и беспощадность при уличении в небрежении «филологической гигиены».

Эта введенная им формулировка предполагает, помимо следования приведенным выше шести пунктам, и свободное владение базовыми основами, на которых зиждется любая профессионально выполненная филологическая работа, — текстологией, источниковедением, библиографией. Прекрасно пользуясь инструментарием этих дисциплин, Н. А. Богомолов внес свой личный значительный вклад в их практическое применение.

Среди его текстологических разработок — публикация и анализ рукописных редакций программной статьи Брюсова «Ключи тайн» («К истории „Ключей тайн“», 2007), публикация — точнее, реконструкция связного текста из хаотического комплекса рукописных листов — пьесы Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел» (1993) и множество других публикаций, если и не столь сложных по исполнению, то поражающих широтой и многообразием сюжетов и лиц.

Среди библиографических трудов Богомолова — подготовка двух изданий исключительной значимости: «Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь», т. 2 (1995) (публикация по архивному источнику второй части словаря, первая часть которого была издана под редакцией Б. П. Козьмина в 1927 году) и «Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937» (1994). Последнее издание дает библиографическое описание книг, не учтенных в четырехтомном указателе «Литературно-художественные альманахи и сборники» О. Д. Голубевой и Н. П. Рогожина (1957–1960) — одним из основных библиографических подспорий для историков русской литературы первой трети XX века. Том, составленный Богомоловым, включает роспись 445 изданий, оставшихся за пределами фундаментального четырехтомника, — результат

упорного, неустанного труда, наглядно свидетельствующий о глубоком и всестороннем освоении автором литературного процесса изучаемой эпохи в ее мельчайших деталях.

Доскональное знание «мельчайшего» в его бесконечной совокупности сочетается у Н. А. Богомолова с умением разрабатывать самую общую историко-литературную и теоретико-литературную проблематику. На протяжении десятилетий он — перегруженный административной работой университетский профессор, преподаватель, постоянно читающий лекции и ведущий практические занятия со студентами. Как в таких обстоятельствах удается быть еще и автором десятков книг и сотен статей, я понять и истолковать не в состоянии: это что-то за пределами естественных человеческих возможностей.

Практика преподавания нашла свое место и в общем библиографическом списке трудов Н. А. Богомолова. В нем значатся книги: «Строки, озаренные Октябрем. Становление советской поэзии (1917–1927)» (1987) — официальное демагогическое заглавие, предписанное инстанциями в пору только начинавшейся «перестройки» (в дарительной надписи автор просил меня «помнить, что в „память жанра“ книги входят все предшествующие труды, изданные Учпедгизом»), контрастировало со спокойным, объективным описанием десятилетней истории поэзии в переломную эпоху; «Стихотворная речь» (1995) — доступно и даже увлекательно изложенные основы стиховедческой культуры; «Журналистика русского символизма» (2002) и «Печать русского символизма» (2012) — столь же популярно преподнесенные сведения о важнейших параметрах литературной жизни рубежа XIX–XX веков. В этом ряду оказываются и обобщающие работы, выполненные в «академической» традиции, — пять разделов в двухтомной «Русской литературе рубежа веков», изданной Институтом мировой литературы (2000–2001).

Последняя вышедшая в свет книга Н. А. Богомолова «Бардовская песня глазами литературоведа» (2019) отражает еще одну сторону исследовательских интересов автора, находящуюся отнюдь не на периферии других его профессиональных занятий. В данном случае опыты истолкования

«звучащей поэзии», осуществленные, как всегда у Богомолова, на безупречном научном уровне, стимулированы глубокой увлеченностью своим предметом, пробудившейся еще в юношеские годы (много автобиографических подробностей об этом автор сообщает во вступительных разделах к книге); написаны статьи о Б. Окуджаве, В. Высоцком, А. Галиче более раскованным, свободным, импровизационным стилем, чем большинство его работ на темы, отодвинувшиеся вглубь литературной истории. Эти работы продиктованы остротой и полнотой сиюминутного переживания — хотя дотошный филолог-историк не устает фиксировать в звучащих (и уже отзвучавших) текстах характерные приметы своего, отчасти прошедшего, отчасти затянувшегося или возродившегося времени. В центре внимания здесь, конечно же, Галич: еще в 1989 году Богомолов опубликовал его «Избранные стихотворения» — первый сборник поэтического наследия автора, увидевший свет на его родине.

И последнее. Работы Н. А. Богомолова, какие бы тонкие и прихотливые материи они ни затрагивали, отличаются языком и стилем, доступным не только филологу-профессионалу, но и любому культурно ориентированному и заинтересованному читателю. Умение писать просто и убедительно о сложном и малопонятном — явленная здесь характерная черта большого мастера, унаследованная от классиков отечественного литературоведения.